всего и не тело, и не то, и не то», не подумалось, будто Божество совсем не существует, но богослов тут же предполагает у Него бытие; сказав: οὔτε ἀνούσι ος, обозначил бытие; ουτε ἄζωος — обозначил жизнь; οὔτε αλογος — обозначил слово; οὔτε ἄνους — обозначил ум. Здесь, таким образом, предположив у Него бытие, в последующем, когда говорит «не тело» и прочее, указывает, что бытие Его не такое, как у всего сущего, но сверхсущное; а просто не существующее будет безбытийным. И опять: не тело, но превыше всякого другого бытия, и бытиен, и сверхбытиен. Сказав же: не есть тело, отнимает и все телесное: безóбразен, и безвиден, и бескачествен, и бесколичествен. И не в каком-то месте, а все очерченное — в месте, коль скоро место определено охватывающим; божественное же, вездесущее и всенаполняющее не объемлется ничем. Опять же и невидим; и не имеет осязания, ибо неощущаем (все ощущения — вокруг ощущаемого); но и не ощущает (οὐδ αι σθανεται), ибо не воспринимает чувствами и не имеет органом ощущения. Не отягощаем страдательными состояниями и неподлежит, из бессилия, чувственным претерпеваниям. Не надобится Ему свет; не изменяется Он, не гибнет, ибо неизменен и бессмертен. Не подлежит делению, при том что три Его жизненачальные ипостаси пребывают и мыслятся самоипостасными. Ни лишению, ибо присущие Богу блага и сверхизобильны, и природны Ему. Ни течению не подвержен, ибо без истечения (ἀρρεύστως) рождается единородное Слово от Отца и нестрадательно исходит от Отца Дух Святой. Ни иное что из чувственного Он не есть и не имеет. «Есть» тут выражается через самостоятельно существующие вещи, т. е. „дух", „воздух", „камень"; „имеет" — через названные телесные качества».

[6] В переводе (отрывков) С. С. Аверинцева: «Причина всего, сущая превыше всего, не есть нечто лишенное сущности, или жизни, или разумения, или ума; не есть тело, не имеет ни образа, ни лика, ни качества, ни количества, ни толщи, не пребывает в пространстве, незрима и неосязаема, неощущаема и не ощущает. Она ничем не возмущаема и не тревожима, а равно и не волнуема какими-либо присущими веществу состояниями. Она не лишена силы, не подвержена чувственным случайностям, и свет ее не испытывает недостатка. Она не есть превращение, распад, деление, лишение, текучесть и прочие чувственные состояния и не подвержена им» (Антология мировой философии. М.: Мысль, 1969. Т. 1, ч. 2. С. 608—609).

[7] См. примеч. 2.

[8] В переводе С. С. Аверинцева: «Она [Причина всего] не принадлежит к несущему, но также и к сущему, и ничто из сущего не может ее познать, какая она есть, так же как сама она не может познать вещи, какие они есть. Для нее нет разумения, имени, познания; она не мрак и не свет, не заблуждение и не истина. Вообще относительно нее не возможно ни полагание, ни отрицание, ибо с нашими полаганиями и отрицаниями мы не полагаем и не отрицаем ее, ведь она превыше всякого полагания как совершенная и единственная причина всего и превыше всякого отрицания как избыточествование полной отрешенности от всех вещей, как сущая над всем» (Там же. С. 609).

ФЕНОМЕН ГОРОДА И ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ XIX СТОЛЕТИЯ («Passagen-Werk» — Вальтера Беньямина)

В. А. Подорога

Одно время имя Вальтера Беньямина, мыслителя, близкого в 30-х годах к Франкфуртскому институту социальных исследований, было известно лишь узким кругам западноевропейской интеллигенции [1]. С опубликованием в 1955 г. двухтомника его из-

* © Вступительная статья В. А. Подороги, 1990

бранных произведений, а в 1966 — частичного собрания его писем, жизненная судьба и идейно-теоретическое наследие Беньямина попадают в центр общественно-политического и философского интереса, становятся предметом острых дискуссий 60—70-х годов в ФРГ. Правомерен вопрос: в чем же причина все расширяющегося сегодня интереса к творчеству Беньямина? Ответ можно найти не только в поразительно универсальном и одновременно крайне противоречивом характере его творческих исканий. Достаточно упомянуть о том, что Беньямин был блестящим литературоведом и переводчиком, глубоким исследователем и критиком буржуазной культуры, чьи труды «Первоисток немецкой драмы», «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» и незавершенный комплекс исследований, посвященных философии истории XIX столетия Passagen-Werk («Труд о пассажах») до настоящего времени не утратили своего ни общекультурного, ни специальнонаучного значения [2].

Но, пожалуй, главное для нас, современных читателей, в творчестве Беньямина — это его открытие в философии истории новой области исследования, которую можно условно определить как *археологию сознания* современной культуры. В этом вся необычность ви́дения Беньямином эпохи XIX столетия. Подобно археологу, со всей тщательностью и осторожностью, он собирает культурные и технологические остатки предыдущей эпохи ради того, чтобы реконструировать по ним, ничего не исказив и не нарушив, ее утопическое сознание. Он не был теоретиком в кантовском или гуссерлевском смысле, скорее его интересовало «безинтенциональное бытие» культуры, т. е. состояние прошлой культуры, чье идейное целое уже распалось в историческом времени исследователя и больше не может быть удержано в единстве никакой трансцендентальной схемой истории, кроме как насильственно. Меланхолический взор аллегорика, а Беньямин, по многим свидетельствам, обладал именно таким «взором», не может видеть культурное целое эпохи — «целое не дано» — только фрагменты, осколки или руины, которые он созерцает со всем благоговением посвященного. Вот почему тексты Беньямина так трудны для понимания, ведь в них утверждается превосходство визуального ряда над вербальным, языковым. Читателю нужно хоть отчасти «ощущать» логику аллегорической интуиции, которая ведет Беньямина в его исследованиях урбанистических хронотопов. Город для Беньямина — европейские столицы XIX—XX столетия — это своего рода визуальные комплексы, настолько отражающие в себе материальный состав городской среды, насколько же воплощающие в себе утопическое сознание исторической эпохи.

Смею надеяться, что помещенный в разделе настоящего сборника перевод исследовательского проекта Беньямина «Париж — столица XIX столетия» даст читателю представление и об общем замысле труда «Passagen-Werk», и о том, как этот замысел предполагалось осуществить.

Следующий материал — тоже перевод — раздел из публикуемой издательством Гарвардского университета книги о В. Бень-

ямине профессора Корнеллского университета (США) Сюзан Бак-Морс, известного специалиста в области философии культуры [3]. При всей его научной самостоятельности он может прекрасно выполнить роль необходимого в данном случае комментария к публикуемому тексту Беньямина. Правда, сам стиль изложения, которого придерживается американская исследовательница, может показаться несколько неожиданным для советского читателя. Мне представляется, его можно определить как аналитико-биографический стиль. Автор не пытается подчинить материал некой изначальной идейной схеме, которая позволила бы логически упорядочить все то, что было не под силу сделать самому Беньямину. Напротив, и для этого имеются веские основания, автор пытается быть предельно имманентным археологическому поиску Беньямина и поэтому движется от идеи к идее, от образа к образу, от конструкции к конструкции по биографической линии, не боясь случайностей и возможных тупиков. И вовсе не потому только, что биографическое представляется С. Бак-Морс единственной нитью, которая ведет к пониманию творчества этого мыслителя, но еще и потому, что открывается возможность проникновения именно в те области биографического, где рождается мысль, но еще сохраняющая на себе отпечаток той или иной жизненной ситуации. Благодаря этому стилю исследования мы как бы присутствуем «здесь» и «сейчас» в творческой лаборатории Беньямина, мы начинаем «видеть», как он создает удивительно точную и живую социальную физиогномику исторической эпохи, нашего «самого ближайшего прошлого», а может быть, и нашего «самого ближайшего будущего».

Перевод выполнен мной по изданию: *Benjamin W.* Schriften. Frankfurt a. M., 1955. Bd. I. S. 406—422.

[1] Вальтер Беньямин родился в 1892 г. в Берлине. До 1922 г. учится в Берлине, затем во Фрейбурге, изучает литературу и философию. До 1914 г. активно участвует в студенческом антибуржуазном движении. Завершает свое образование в университете Берна трудом «Понятие художественной критики в немецкой романтике» (1919). В 1925 г. заканчивает работу над одним из своих самых значительных исследований — «Первоисток немецкой драмы». Под влиянием общественно-политических событий в Германии и России критически переосмысливает свои ранние, «наивно-рапсодические» позиции и обращается к изучению Маркса, Энгельса и Ленина. В 1930 г. знакомится с Б. Брехтом. С 1933 г. начинает сотрудничать с Институтом социальных исследований, возглавляемым М. Хоккаймером. Ведет активную переписку с Г. Шолемом, Т. В. Адорно и М. Хоккаймером. После прихода нацистов к власти переезжает в Париж. Попытка нелегально эмигрировать из оккупированной Франции через Пиренеи в 1940 г. оканчивается трагически: группа эмигрантов, в которую он входил, была задержана на испано-французской границе. Опасаясь попасть как антифашист в руки гестапо, ночью 26 сентября Беньямин отравился сильной дозой наркотиков.

[2] К комплексу работ, озаглавленных Беньямином как «Труд о пассажах», примыкают следующие исследования: «Париж Второй империи у Бодлера», «Об одном мотиве у Бодлера», «Париж — столица XIX столетия», «Центральный парк» (собрание афористических заметок) и тезисы «О понятии истории». Планируемое название всего проекта, над которым Беньямин работал до самой смерти, с 1927 по 1940 г., «Праистория XIX столетия».

[3] *Buck-Morss S.* The gialectics of seeing Walter Benjamin and the arcades project (in print).